

Драконов утес

-- В ту отдаленную пору, когда обитатели правого берега Рейна поклонялись еще идолам и высшую славу полагали в разбойничьих набегах, -- на левом берегу того же Рейна мало-помалу распространялось уже кроткое учение Христово, смягчая первобытные грубые обычаи и дикие нравы. Среди этих первых прирейнских христиан особенным благочестием отличались родители юной Адельгейды, взрастившие свое единственное детище в той же богобоязни.

-- Правда ли, что дракон пожирает живых людей? -- спросила она как-то отца.

-- Говорят, что так, -- отвечал нехотя отец.

Но с пытливостью, свойственной бойким детям, девочка не удовлетворилась таким ответом и стала допытывать далее.

-- Так зачем же люди даются ему на съедение?

-- Даются они, дитя мое, не по своей воле, -- объяснил отец: -- их приносят чудовищу в жертву.

-- В жертву? Это что же такое?

-- Это, видишь ли, вот что. Мы тут, на левом берегу реки, веруем в единого Бога Творца и Сына его, Христа Спасителя. Те же, что живут на правом берегу, в невежестве своем не знают еще Христа и молятся разным богам, которых и нет, поклоняются идолам, которых сами себе сделали. Так почитают они и того дракона за богоподобное существо, ниспосланное будто бы им с неба для кары всех злых и преступных. И вот, чтобы умиловить ужасного дракона, его кормят живыми людьми, -- преступниками и пленными врагами.

-- Ах, бедные! Ведь между пленными могут быть и добрые люди?

-- Еще бы! Но для тех варваров всякий враг -- уже дурной человек, особенно всякий христианин, как мы.

-- Господи помилуй! Но ведь и нас тоже они могут увести этак в плен...

-- Не уведут, дитя мое, не бойся; Бог не попустит. Мы -- народ мирный и войной ни на кого не пойдем.

И точно, многие годы Господь хранил эту мирную семейку. Родители маленькой Адельгейды успели уже состариться, а сама она подросла и расцвела прелестной девушкой.

Тут и в их тихий уголок залетела военная гроза. Два могучих князя правого берега Рейна, Горсрик и Ринбольд, переправились с своей дикой ордой на левый берег, -- и селения запылали, воздух огласился воплями и криками. Защищавшиеся с оружием в руках были безжалостно перебиты; кто мог, --

бежал в леса. Дом родителей Адельгейды точно так же разгромили, но их самих, как незащитных старых людей, пощадили; всю же пленную мужскую и женскую молодежь, в том числе и Адельгейду, увели с собой в рабство на правый берег Рейна.

Здесь князья-победители приступили к любовному дележу награбленного добра и живой добычи. Когда очередь дошла и до Адельгейды, между князьями разгорелся жаркий спор: ни одному не хотелось отдать такую красавицу другому.

-- Так пусть же меч решит, за кем ей быть! -- вскричал старший князь, неукротимый Горсрик.

Младший, более сговорчивый, Ринбольд, на этот раз не пошел на уступку.

-- На твою голову! -- отвечал он, выхватывая также меч.

Потекла бы кровь, не вступишь в дело присутствовавши при дележе верховный жрец.

-- Остановитесь, безумцы! -- закричал он. -- Стоит ли хоть одной капли вашей драгоценной крови нечестивая христианка, не верующая в наших старых богов? Отрекитесь лучше от неё оба и посвятите ее дракону во славу бога богов, всемогущего Бодана.

Против такого предложения верховного жреца не могло быть возражений, и несчастная Адельгейда с несколькими другими пленными была обречена на жертву ненасытному чудовищу.

-- Бедняжка! -- слышались сострадательные голоса, -- идет ведь, как невинный агнец на заклание!

-- Зачем же она не верит в нашего Водана! -- отзывались другие.

-- А где оба наши князя? Что их не видать?

-- Князь Горсрик со злобы и досады еще с вечера ушел в лес на вепра.

-- А князь Ринбольд?

-- Занемог, говорят; который день уж не выходит из замка!

-- Хоть повременили бы, пока наш милый князь опять оправится!

Между тем, пленники всходили на вершину утеса. По знаку верховного жреца, Адельгейду первую подвели к позорному столбу. С ангельским смирением дала она привязать себя. Держа перед собой святое Распятие, она не отрывала глаз от лика Спасителя, и черты её лица светились каким-то неземным сиянием.

-- И не вопит ведь не прольет ни одной слезинки! -- толковал кругом изумленный народ.

-- Дитя глупое, неразумное: думает, что Христос спасет ее в последний час. Как же, дожидайся! Вон и дракон почуял свежину.

Из темной расщелины утеса выползала исполинская гадина. Безобразная голова покачивалась мерно из стороны в сторону; громадное туловище,

покрытое чешуйчатой броней, на кривых коротких ногах волочилось по земле безобразно-вздутым брюхом; а сзади извивался длинный, чешуйчатый же, змеиный хвост. Все тысячи толпившихся кругом зрителей в немом ужасе попятились назад, толкая и давя друг друга.

Тут чудовище завидело привязанную к столбу молодую жертву. Зарычало оно, зашипело от радости и двинулось вперед, гремя звонкой чешуей по скалистой почве.

А что же Адельгейда? -- Покорившись выпавшей ей горькой доле, она, с Распятием в руках, творила тихую молитву:

-- Христе Боже! на Тебя одного уповаю: Ты можешь совершить всякое чудо...

И чудо совершилось: дракон, как сраженный небесной молнией, испустил отчаянный рев, от которого дрогнула гора, и, отпрянув в сторону, ринулся вниз с отвесной кручи в воды Рейна, которые его и поглотили.

Жрецы и воины и весь простой народ от изумления не знали, верить ли своим глазам. Как! боготворимое ими громадное чудовище не устояло перед изображением христианского Бога?

Ранее других пришел в себя, уверовал в нового Бога молодой Ринбольд. Сойдя с коня, он отвязал Адельгейду от позорного столба, и затем преклонил колени перед Распятием. Примеру любимого князя последовала его дружина, а примеру дружины и простой народ. Тут и жрецам ничего не оставалось, как сделать то же.

-- Слава Всевышнему во веки веков! -- сказала Адельгейда. -- Теперь, князь, у меня одна к тебе просьба: отошли меня назад к моим родителям.

-- Нет, моя дорогая, -- отвечал Ринбольд: -- я вызову их к нам. Здесь, на этом самом месте, я выстрою себе новый замок, и княгиней этого замка будешь ты, моя богоданная невеста!

-- Так-то на Драконовом утесе воздвигся новый замок, откуда затем по городам и весям правого берега Рейна все далее и далее распространялось учение Христово. Много поколений рода князя Ринбольда и княгини Адельгейды жило потом в этом замке, пока, наконец, в 1530 году род их совсем не пресекся. До сих пор, однако, на Драконовом утесе сохранились еще развалины княжеского замка. Плывущие по Рейну путешественники любуются на них издали с палубы парохода; иные же сходят и на берег, чтобы меж виноградников подняться к развалинам по зубчатой железной дороге и окинуть с вышины восхищенным взором ту самую реку, которая протекала некогда столь же живописно под ногами Ринбольда и Адельгейды.